

Хелен Плакроуз
и Джеймс Линдси

Циничные теории

*Как все стали спорить о расе,
гендере и идентичности
и что в этом плохого*

Перевод с английского
Дмитрия Виноградова

Individuum
2022

УДК 316.324.8

ББК 60.521.2

П37

This edition published by arrangement
with Susan Schulman Literary Agency. All rights reserved

Плакроуз, Хелен; Линдси Джеймс.

П37 Циничные теории. Как все стали спорить о расе, гендере и идентичности и что в этом плохого / Хелен Плакроуз, Джеймс Линдси ; пер. с английского Д. Виноградова. — Москва : Individuum, 2022. — 384 с.

ISBN 978-5-6046877-2-7

Гендер, деколонизация, привилегии, фэтшейминг. Попад из академических статей в повседневный обиход, эти слова все сильнее влияют на наше восприятие мира. Но откуда они вообще взялись? Их источник — россыпь критических теорий, возникших в ходе постмодернистского поворота с его проблематизацией власти, знания и истины. Ничто — от секса и учебников истории до медицинских диагнозов и архитектуры — не может укрыться от активистов, задавшихся миссией выявить и уничтожить любые формы угнетения.

Хелен Плакроуз и Джеймс Линдси считают, что, несмотря на благое желание сделать мир чуточку справедливее, критические теории с их практически религиозным рвением и черно-белым восприятием мира представляют угрозу как для академии, так и для общества. «Циничные теории» — это кропотливый и бойкий разбор основных постулатов «активистской науки», ее внутренней логики и противоречий. Эта книга поможет погрузиться в современный интеллектуальный контекст, понять, чем руководствуются стороны культурных войн, и не теряться в спорах на ускользающие от понимания темы.

УДК 316.324.8

ББК 60.521.2

Copyright © 2020 by Helen Pluckrose and James Lindsay

© Д. Виноградов, перевод, 2022

ISBN 978-5-6046877-2-7

© ООО «Индивидуум Принт», 2022

Оглавление

Введение 9

1. Постмодернизм 23

2. Прикладной поворот постмодернизма 55

3. Постколониальная Теория 87

4. Квир-Теория 119

5. Критическая расовая Теория и интерсекциональность 151

6. Феминизмы и гендерные исследования 187

7. Исследования инвалидности и человеческой полноты 221

8. Академические исследования Социальной
Справедливости 253

9. Социальная Справедливость в действии 299

10. Альтернатива идеологии Социальной Справедливости 335

Благодарности 381

Примечания 383

*Моему мужу Дэвиду, благодаря которому
все стало возможно, и моей дочери Люси,
которая больше ничего не хочет слышать
о постмодернизме. Моя работа сделана.*

*Моей жене Хизер, которая хотела простой
жизни и никогда не узнала бы, что все это
существует.*

Введение

В эпоху модерности*, особенно в последние два столетия, большинство западных стран объединила общая политическая философия, известная под названием либерализм. Основные постулаты либерализма — политическая демократия, ограничение власти государства, универсальные права человека, правовое равенство для всех дееспособных граждан, свобода слова, уважение к многообразию точек зрения и открытой дискуссии, доказательный метод и рациональное мышление, отделение церкви от государства и свобода вероисповедания. Со временем эти либеральные ценности превратились в идеалы; потребовались столетия борьбы против теократии, рабства, патриархата, колониализма, фашизма и многих других форм дискриминации, чтобы мы начали ценить их так, как ценим сегодня (хотя и этого недостаточно). Наибольших успехов борьба за социальную справедливость добивалась, когда поднимала на знамя универсальные либеральные ценности и настаивала, что те принадлежат каждому, а не только обеспеченным белым мужчинам. Следует отметить, что общая философская позиция, которую мы называем либерализмом, совместима с широким спектром мнений по политическим, экономическим и социальным вопросам,

---

* Используемый автором термин «modernity», обычно обозначающий период с XVII века и до наших дней (в некоторых вариантах — до середины или последней четверти XX века), переводят по-разному; среди основных вариантов — «модерность» или «современность». В этой книге будет использовано определение «модерность». — *Прим. ред.*

включая как те, что американцы называют либеральными (а европейцы — социал-демократическими), так и умеренные разновидности того, что повсюду зовется консерватизмом. Либеральная философия противостоит авторитарным движениям всех мастей, будь то левые или правые, светские или теократические. Таким образом, либерализм лучше всего рассматривать как систему, помогающую представителям разных политических, экономических и социальных взглядов разрешать конфликты и рационально дискутировать по поводу тех или иных правительственных мер.

Однако мы достигли исторического момента, когда идеи либерализма и модерности, лежащие в основе западной цивилизации, находятся под серьезной угрозой. Природа этой угрозы сложна, поскольку она представляет собой результат сокрушительного натиска как минимум двух сил — революционной и реакционной, схватившихся между собой за право определить, в каком или либеральном направлении двигаться нашему обществу. По всему миру поднимают голову правые популистские движения, мнящие себя последним рубежом защиты либерализма и демократии от надвигающейся волны прогрессивизма и глобализма. Они все чаще возводят на трон диктаторов и авторитариев, способных защитить и сохранить «западный» суверенитет и ценности. Тем временем крайне левые апологеты социального и морального прогресса выставляют себя единственными и праведными поборниками пути развития, без которого демократия бессмысленна и бесплодна. Провозглашая либерализм формой угнетения и отвергая его на этом основании, левые радикалы не просто насаждают свои ценности революционным путем. Для закрепления своей догматической фундаменталистской идеологии общественного устройства они прибегают ко все более авторитарным методам. Каждая из противоборствующих сторон видит в другой экзистенциальную угрозу — тем самым они лишь еще сильнее распаляют

друг друга. Эта культурная война разразилась с такой интенсивностью, что в начале XXI века обретает статус определяющего фактора политической — а все чаще и социальной — жизни.

Опасность справа весьма существенна и сама по себе заслуживает тщательного изучения, но мы предпочли разложить по полочкам происходящее на противоположном краю спектра. Отчасти наш выбор обусловлен следующим: хотя каждая из сторон толкает своего противника в пучину безумия и подстегивает его радикализацию, мы считаем, что тенденция на левом фланге представляет собой результат отклонения от его исторической позиции силы и разума, то есть либерализма. Именно либерализм — залог существования наших светских демократических обществ. Как нам уже доводилось писать, корень проблемы кроется в том, что:

Прогрессивные левые соотнесли себя не с модерностью, а с постмодернизмом, отвергающим объективную истину как вымысел, придуманный наивными и/или высокомерно-невежественными мыслителями эпохи Просвещения, недооценившими побочные эффекты прогресса¹.

Изучению проблемы постмодернизма — не только в том виде, в котором он первоначально возник в 1960-х, но и во всех тех формах, которые он приобретал в ходе своего развития на протяжении последних пятидесяти лет, — мы и уделили наше внимание в этой книге. Постмодернизм породил одну из наименее толерантных и наиболее авторитарных идеологий с момента повсеместного упадка коммунизма, краха идей белого превосходства и колониализма (либо сам таковой является — зависит от вашей точки зрения). Зародившись в тиши университетских кабинетов как интеллектуальная реакция на эти события, начиная с 1960-х он стал активно набирать популярность в академии, среди активистов, бюрократов и работников начального,

среднего и высшего образования. Впоследствии постмодернизм настолько основательно распространился в более широких слоях общества, что сегодня, пока мы со скрежетом вкатываемся в третье десятилетие XXI века, наш социополитический ландшафт в основном и состоит из него и из реакций на него (как разумных, так и радикальных).

Номинально это движение служит масштабному делу «социальной справедливости», и именно от этого возникшего почти двести лет назад термина и заимствует свое название. В различные эпохи у разных мыслителей этот термин приобретал разнообразные значения, но все они в той или иной степени были связаны с устранением или исправлением социального неравенства, в частности когда оно касается класса, расы, гендера, пола и сексуальности и не может быть преодолено инструментами системы правосудия. Возможно, наиболее известен в этой связи либеральный прогрессивный философ Джон Ролз, внесший ключевой вклад в направление философии, посвященное условиям достижения социальной справедливости. В универсалистском мыслительном эксперименте Ролза справедливое общество — это то, в котором индивид, имея право выбора, был бы одинаково счастлив родиться в любой социальной среде или с любой групповой идентичностью². Вошел в обиход (особенно с середины XX века) и другой, подчеркнуто антилиберальный и антиуниверсальный подход к достижению социальной справедливости, укорененный в *критической теории*. Критическая теория прежде всего нацеливается на обнаружение скрытых предубеждений и необоснованных допущений, обычно выявляя так называемую проблематику, под которой понимаются нарушения работы общества и организующих его систем.

В некотором смысле постмодернизм отделился от этого критического подхода, какое-то время шел своим собственным путем, а затем, в 1980-х и 1990-х, был вновь взят на вооружение активистами критической социальной справедливости (кстати,

они крайне редко ссылаются на Джона Ролза). Это движение самонадеянно называет свою идеологию просто Социальной Справедливостью, как будто только оно стремится к справедливому обществу, а все остальные выступают за нечто совершенно иное. Таким образом, это движение стало известно как Движение Социальной Справедливости (Social Justice Movement), а его критики в интернете часто для краткости ссылаются на него как на Соцсправ* и, все чаще, воукизм** (из-за веры его последователей, что они — единственные, кто «пробудился» и осознал проблему социальной несправедливости). Социальная Справедливость как имя собственное, с заглавной буквы С, означает крайне специфическую доктринальную интерпретацию понятия социальной справедливости и способов ее достижения и предписывает в отношении этого термина строгую, легко узнаваемую ортодоксию. Хотя нам не хотелось бы создавать впечатление, будто мы отдаем фундаментальное либеральное понятие социальной справедливости на откуп этому илилиберальному идеологическому движению, оно известно под названием Социальная Справедливость (с заглавных букв), и поэтому для ясности именно так мы и будем называть его на протяжении всей этой книги. «Социальная справедливость» со строчных будет использоваться для обозначения более широкого и общего значения этого понятия. Проясним и наши собственные социальные и политические убеждения: мы противостоим Социальной Справедливости, потому что выступаем за социальную справедливость.

---

* Соцсправ (англ. SocJus) — акроним от «социальная справедливость», аналогия с оруэлловским термином Ангсоц (английский социализм). В российском употреблении больше прижился критический термин «войны социальной справедливости» (СЖВ, англ. social justice warriors). — Здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчика.

** «Воук» (англ. Woke) — политический сленговый термин, дословно переводящийся как «пробужденный». Обозначает повышенное внимание к вопросам справедливости и политкорректности. Зачастую используется в ироническом контексте.

Не замечать влияния Социальной Справедливости на общество становится все сложнее — прежде всего оно проявляется под видом «политики идентичности» и «политической корректности». Почти каждый день появляются истории, что кого-то уволили, «отменили» или публично осудили в социальных сетях за слова или поступки, истолкованные как сексизм, расизм или гомофобия. Иногда обвинения оправданны, и мы успокаиваем себя, что негодяй, которого мы считаем совершенно непохожим на нас, получил «по заслугам» за свои ненавистнические взгляды. Однако все чаще такие обвинения носят весьма интерпретативный характер, а их обоснования выглядят натянутыми. Иногда кажется, что даже благонамеренный человек, уважающий всеобщие свободу и равенство, может случайно произнести что-нибудь противоречащее новоявленным речевым кодексам, что приведет к разрушительным последствиям для его карьеры и репутации. Все это сбивает с толку и противоречит здравому смыслу в контексте культуры, привыкшей ставить на первое место человеческое достоинство и поэтому ценить доверительные интерпретации* и терпимость к широкому спектру взглядов. В лучшем случае происходящее вредит самой культуре свободного высказывания, более двух столетий служившей на совесть либеральным демократиям, поскольку добропорядочные люди начинают цензурировать свои высказывания, опасаясь произнести что-нибудь «неправильное». В худшем — это злонамеренная организованная травля, в институционализированной форме превращающаяся в авторитаризм прямо у нас на глазах.

Это требует разъяснений. Именно *требует*, потому что все эти изменения, происходящие с поразительной быстротой, плохо поддаются пониманию. Ведь они берут свое начало

---

* Принцип доверия, или доверительная интерпретация (англ. Principle of charity, charitable interpretation) — принципе из риторики, согласно которому, воспринимая высказывание говорящего, следует выбирать их максимально рациональную интерпретацию.

в своеобразном взгляде на мир академических активистов, у которых есть и свой собственный язык. Формально англоязычные активисты говорят и пишут на английском, однако они придают повседневным словам новые значения. Например, когда речь заходит о расизме, согласно новому определению, имеются в виду не предрассудки по поводу расы, а скорее расистская система, пронизывающая все взаимодействия в обществе, но остающаяся невидимой для всех, кто не сталкивается с ней на своем опыте или не обучен соответствующим «критическим» методам. (Таких людей иногда описывают термином «воук», то есть «пробужденные».) Столь узкое и техническое использование слова не может не приводить обычных людей в замешательство, и подчас они соглашались с тем, с чем никогда не согласились бы, располагая полноценной системой координат, с помощью которой можно понять, что в действительности подразумевается под этим словом.

Академические активисты не только говорят на специализированном языке, используя повседневные слова (которые обычным людям ошибочно кажутся понятными), но и представляют совершенно другую *культуру*, встроенную в нашу собственную. Люди таких взглядов могут физически находиться рядом с нами, а интеллектуально — в какой-то другой вселенной. Поэтому с ними невероятно сложно взаимодействовать. Они одержимы властью, языком, знанием и отношениями между ними, воспринимают мир через призму механизма власти в каждом взаимодействии, высказывании и культурном артефакте — даже если они не очевидны или в реальности *не существуют*. Такое мировоззрение выдвигает на передний план социальные и культурные обиды и стремится превратить все в политическую игру с нулевой суммой, выстроенную вокруг расы, пола, гендера, сексуальности и многих других маркеров идентичности. Человеку со стороны может показаться, что эта культура возникла на какой-то другой планете, жители которой не имеют представления

о биологических видах, размножающихся половым путем, и истолковывают все наши социальные взаимодействия максимально циничным образом. Но на самом деле эти нелепые взгляды вполне свойственны человеку. Они свидетельствуют о нашей неоднократно продемонстрированной склонности увлекаться замысловатыми духовными мировоззрениями — от племенного анимизма до спиритизма хиппи и до изощренных мировых религий, — каждое из которых внедряет собственную интерпретативную рамку. В нашем случае это рамка своеобразного взгляда на власть и ее способность порождать неравенство и угнетение.

Общение со сторонниками таких взглядов требует изучения не только их языка — что само по себе достаточно сложно, — но и обычаев, а также мифологии «общих» и «структурных» проблем, присущих нашему обществу, системам и институтам. Как известно опытным путешественникам, для общения с представителями совершенно другой культуры недостаточно просто выучить язык. Необходимо также изучить устойчивые выражения, скрытые смыслы, культурные отсылки и правила этикета, которые определяют коммуникацию. Для эффективного взаимодействия нам нередко требуется помощь не только переводчика, но и *истолкователя* в самом широком смысле этого слова. Именно такую помощь мы и хотим предложить. Эта книга — руководство по языку и обычаям, которые в настоящее время широко продвигаются под приятным глазу брендом «Социальная Справедливость». Мы свободно владем как языком, так и культурой академических исследований и активизма Социальной Справедливости и планируем провести наших читателей через этот чуждый для них мир, отследив эволюцию этих идей от их истоков пятидесятилетней давности и до наших дней.

Мы начинаем наш путь в конце 1960-х годов, когда совокупность теоретических концепций, сгруппированных вокруг понятий знания, власти и языка, которые позже стали известны под

именем *постмодернизм*, возникла в рамках сразу нескольких гуманитарных дисциплин. В своей основе постмодернизм отвергает так называемые *метанарративы* — масштабные, целостные объяснения того, как устроены мир и общество. Он отвергнул христианство и марксизм. Он отвергнул науку, рациональное мышление и столпы западной демократии, созданные эпохой Просвещения. Постмодернистские представления сформировали то, что с тех пор чаще всего называют *Теорией*, — совокупность идей, которая в определённом смысле является главной героиней этой книги. На наш взгляд, крайне важно разобраться в том, как Теория развивалась с 1960-х до наших дней, если мы хотим понять и обернуть вспять резкие перемены, которые она спровоцировала в обществе, особенно после 2010 года. Следует отметить, что в этой книге *Теория* с заглавной буквы Т (и связанные с ней слова, такие как Теоретик и Теоретический) будет означать подход к социальной философии, вытекающий из постмодернизма.

«Циничные теории» объясняют, как Теория превратилась в движущую силу культурной войны конца 2010-х, и предлагают философский *либеральный* способ противостоять ее проявлениям в исследованиях, активизме и повседневной жизни. В книге прослеживается эволюция ответвлений циничной постмодернистской Теории на протяжении последних пятидесяти лет и демонстрируются результаты ее влияния на современное общество, с которыми сталкивался каждый читатель. В первой главе мы познакомим вас с ключевыми идеями первых постмодернистов 1960-х и 1970-х годов и выделим два принципа и четыре сюжета, которые станут центральными для всех последующих Теорий. Во второй главе мы объясним, как эти идеи мутировали, набирали силу и обретали применение в политической практике в контексте новых Теорий, появившихся в конце 1980-х — 1990-х годах. Мы будем называть это *прикладным постмодернизмом*. В главах с третьей по шестую мы более подробно остановимся